

18+ Страшные картинки

Людмила Гущина

Людмила Гущина

Страшные картинки

<https://litres.ru/74369918>

ISBN 9785007098892

Аннотация

Моя вторая книга «страшилок» — это истории, где смех и слёзы идут рука об руку. Хроника мелких и крупных несправедливостей и абсурда, когда нелепость притворяется порядком, а бюрократия, самодурство и равнодушие становятся почти нормой и поводом для горькой улыбки.

Содержание

От автора	5
Картинка первая. Ресурсная	6
Картинка вторая. Переписная	11
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Страшные картинки

Людмила Гущина

Дизайнер обложки Виктория Чебанова

© Людмила Гущина, 2026

© Виктория Чебанова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-9889-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Между двумя моими фотоснимками на обложках книг «Чёртова дюжина страшилок» и «Страшные картинки» расстояние длиною в жизнь.

Как мазки на полотне картины, так и события, происходящие с нами, ежеминутно наслаиваются друг на друга, создавая новое неповторимое творение. В нём отражаются время, настроение, здоровье, встречи. А это и есть сама жизнь — краткий, но такой прекрасный миг между прошлым и будущим.

Я благодарна Игорю Губерману за его «вечно живые „гарики“», дающие мне творческий стимул и подтолкнувшие к написанию этой книги.

Каков он, идеальный мой читатель?

С отчётливостью вижу я его:

Он скептик, неудачник и мечтатель,

И жаль, что не читает ничего.

И. Губерман

Картинка первая. Ресурсная

*Чтоб выжить и прожить на этом свете,
Пока земля не свихнута с оси,
Держи себя на трояственном запрете:
Не бойся, не надейся, не проси.
И. Губерман*

Наш беспристрастный и гуманный суд. Сколько о нём говорено, написано!

У каждого из нас своя правда, свои понятия о чести и справедливости. Но одна история, произошедшая много лет назад, до сих пор не идёт из головы.

Мои знакомые выкопали колодец на дачном участке и угодили в золотую жилу. И потянулись к живительной влаге ближние и дальние соседи, соседи соседей и просто заезжие люди. Всем хотелось «оздоровиться» практически на халяву. Кто ж в России-матушке воды жалеет?

Неудобно оказалось лишь хозяевам участка. Мало того что, приезжая на дачу, они заставляли «выпитый до дна» колодец, да ещё и грядки приходилось делать лучеобразно: «стихийные» дорожки к колодцу протаптывали кто как хотел.

И вскоре с высоты птичьего полёта этот дачный участок стал похож на приветливое многолучевое солнышко, где в клубке тропок и тропинок терялся живительный оазис. А

пресловутым грядкам и парничкам, заботливо обустроенным хозяевами, места здесь не оказалось.

Со временем рядовой дачный участок превратился в клуб по интересам. В ожидании, пока натечёт побольше благословенной влаги, страждущие курили, забивали «козла» и промышляли по мелочи. Вот забытый молоточек, вот перчатки, а вот и закамуфлированная тележечка с лопаточкой...

Кто-то предусмотрительный или, напротив, осторожный доумился отдать водичку на анализ. Уж больно необычное целебное воздействие оказывало её потребление на весь, так сказать, организм.

Результат экспертизы оказался неутешительным для хозяев участка: в колодезной воде нашли много серебра и других «драгоценностей».

В скором времени моих незадачливых знакомых посетили товарищи из «мест не столь отдалённых», приобретшие рядом недвижимость. В короткий срок хозяева должны были, в порядке оказания помощи близлежащей округе, «расширить и углубить» колодец. Родничок бил на глубине десяти метров, а если докопать до двадцати? Тогда водицу можно будет продавать местным. А ежели ещё чуток поднатужиться, можно и на столицу замахнуться. Всю Россию-матушку напоить. Ведь природные ресурсы, согласно Конституции, — общенародное достояние.

Хозяева опрометчиво отказались и были за это наказаны. Их целебный источник приказал долго жить. «Добрые люди»

засыпали колодец, попутно сломав забор и прихватив садовый инвентарь.

«Не доставайся же ты никому!»

Плач хозяйки дачи огласил всю округу. Заслышав скорбный вой, робко, но не изменяя привычке, тянулись люди «на водопой» туда, где вместо колодца возвышалась теперь пирамида Хеопса.

И вот неожиданное продолжение этой, казалось бы, рядовой дачной истории, только теперь ресурсом была не вода, а само предприятие.

На одном досточтимом заводе сложилась почти революционная ситуация: «верхи не могли, низы не хотели», ну и так далее по классику. Производство распалось на два небольших предприятия, соответственно, появились и две профсоюзные организации. А поскольку данное солидное учреждение целиком готовилось на заклатие через банкротство, этот сценарий кого-то в корне не устраивал.

Пролетариат рьяно цеплялся за работу. Не только создал новую профсоюзную организацию, но и «прибил» к независимым профсоюзам. И пошла «стенка на стенку».

Председатель профорганизации материнского предприятия, дама ушлая и беспринципная, посчитала себя обиженной:

— Умные все стали! Вам не угодишь! Вот и собственный профком организовали, а моим мнением не поинтересовались.

Тем более что и её супруг, неожиданно ставший конкурсным управляющим по решению арбитражного суда, был весьма разочарован сложившейся ситуацией. Он получил контроль только над одним предприятием, а душа требовала большего.

И председатель как бы «первого» профкома потребовал материальной миллионной компенсации. А у кого? У вновь созданной, молодой и независимой, начинавшей с нуля профсоюзной организации второго завода.

— Я свою заработную плату, между прочим, не получала много лет. Да, начисляла, но не получала. Пусть теперь эти «новые» мне всё до копейки выплатят. Отвернулись от меня, а я для них, между прочим, словно мать родная. Какая-никакая, но мать!

— Согласно действующему законодательству, выплата компенсации не представляется возможной, — единогласно вынесли вердикт независимые профсоюзные юристы. — Давайте рассуждать здраво, гражданочка! Если бы вы являлись гражданином России, всю трудовую жизнь проработали в этой стране, регулярно отчисляли взносы, а за начислением и получением пенсии сделали запрос в Америку — с чего она должна вам её выплачивать? Это ведь абсурд!

Абсурд дошёл до суда. Судья огласила приговор не задумываясь.

— Выплатить «такой-то матери» запрошенные ею миллионы! Похудела, осунулась, подорвала здоровье на обще-

ственной работе, а неблагодарные «дети» кормить не хотят. Плюс немалые судебные издержки. Что вы говорите? Новое предприятие со своим уставом и профсоюзной организацией? Доказывайте это «матери» и её благоверному.

Юристы были в недоумении. Пытались оспорить скоропалительное решение, воинственно размахивали документами. Но судья была непреклонна.

А по окончании слушания, выйдя в коридор, она приобрела молодого председателя профкома организации-ответчика и доверительно шепнула ей на ушко:

— Я, между прочим, ваша дачная соседка. Вы же отказали нашим в «живой воде», вот и ревите сейчас. Ваши «борзописцы» приговор, конечно, оспорят со временем. А вы пока задумайтесь над тем, что природные ресурсы, согласно Конституции, — достояние общенародное. В своё время вы этого не поняли, за что сегодня и пострадали.

В итоге юристы всё расставили по своим местам, опираясь исключительно на законы, а не на блатные «понятия». «Матери» платить не пришлось. На даче был выкопан новый колодец с обычной, хотя и немного затхлой водой. «Живая вода» ушла к кому-то другому. А живая история жива и поныне.

*Суббота, 22 марта 2025 года
Всемирный день водных ресурсов*

Картинка вторая. Переписная

*Мы сами вяжем в узел нити
Узора жизни в мироздании,
Причина множества событий —
В готовом общем ожидании.
И. Губерман*

За окном бушует непогода и долгожданная перепись населения страны. Мои услуги оказались востребованными. Услуги обещали обернуться заслугами в будущем, только надо честно отработать на пять с плюсом.

Для начала обучиться самой, набрать команду, подготовить бойцов к этому, как я потом поняла, мудрому и тонкому мероприятию. В общем, связать все нити, личности, в единый узел — народ.

Аттестовали так, будто я назначена возглавить Центр управления космическими полётами. «А если здесь сбой, а здесь внештатная ситуация, что предпримете? А если ошибка в подсчёте, в обозначении? Вдруг крестик не там поставили, вдруг с квартирой обсчитались?»

За месяц до старта переписи моя голова начала медленно сидеть. Назад пути нет: за нами всё население страны и общее ожидание.

Фуражки, свистки, портфели, фонарики. Готовность номер один. Старт!

Комиссия оказалась разношёрстной: студенты, безработные с биржи труда, работники социальной службы. Обременённые зачётами, поисками работы, малолетними болеющими детьми и ревнивыми мужьями/жёнами. Времени мало, участок большой, хотя и мой родной. Повезло: проживаю в одном из домов, лично многих жильцов знаю. Всё под контролем.

Одна милая дама по имени Валентина уходила на свой участок — тот самый, где я, по счастью, проживаю, — позже всех. Возвращалась по несколько раз на базу, и всё с сумками, затаренными дефицитом.

Значит, есть возможность ходить по магазинам, стоять в очередях? Это никак не стыковалось с тем, что нам говорили: у переписчиков и на обед времени не будет хватать.

Я начала проверять заполненные Валентиной учётные карточки, то есть откровения опрошенных ею жильцов. И тут запахло жареным, подлогом.

Когда дошла до исповеди жильцов своей родной квартиры, во мне всё закипело, заклокотало, запротестовало.

Я оказалась безработной казашкой без образования, без мужа, с инвалидностью. Благо не афроамериканкой.

Имела пятерых детей. Они рождались через каждые полгода с тех пор, как мне исполнилось шестьдесят лет. Дети были довольно самостоятельными, с разными фамилиями, не говоря уже об отчествах. Девочки — все Валентины. Мальчики — тоже Валентины. Старшей моей «валентинке» ис-

полнилось уже сорок.

Последнее известие меня добило окончательно. Значит, мне в аккурат сто лет? У создателя переписной истории моей квартиры была буйная фантазия плюс полное незнание арифметики.

Выяснилось, что дама никого и не «описывала», а просто сама дописывала по вечерам под рюмашечку. Помогал муж, зарабатывая себе на «опохмел». Фантасты-любители на дому.

С дамой расстались по обоюдному согласию. У неё, как оказалось, было много фобий: боязнь лифтов, кошек, собак, общения с людьми и много чего ещё интересного. Социальный работник с хорошей характеристикой. Опять же, коней на переправе не меняют.

Точки над «ё» расставил муж, тоже Валентин. Потребовал немедленной оплаты за проделанную работу. Расставание было скорым, безболезненным для всеобщей переписи. Но только не для меня.

У меня теперь было «в листе ожидания» порядка девяти-сот квартир. Жильцов, соответственно, больше. Бессонные ночи, как перед экзаменами: я поправляла, лечила картотеку. Выходные, праздники и будни слились в нескончаемый марафон. Яркие «переписные» моменты до сих пор не отпускают меня.

Не надо выезжать за границу, посещать разные страны и континенты, чтобы испытать необычайные ощущения, уви-

деть разносторонний, разношёрстный, многогранный, многонациональный мир. Достаточно пройти по нашим квартирам, пообщаться с их жильцами, и перед тобой раскроется полная палитра чувств и эмоций.

Одинокие старики были рады мне и как собеседнику, и как представителю власти, и как относительно молодому человеку.

Евстолия Ивановна долго повествовала о своей жизни. На каждую квартиру я отводила десять минут, а шёл уже второй час нашей беседы.

— Мне уже восемьдесят три. Дети и внуки живут в Иваново, в неблагоустроенных бараках. Занесло далече по трудовому найму. Родня сюда не едет: тесно будет всем в «однушке». В Иваново ожидается получение жилья под снос. Звонят, но нечасто. Трудно живут. Пропиши, чтоб государство помогло.

Бабушка не «воссоединяется» с семьёй: привыкла к коммунальным удобствам, к лифту, к лоджии. С обменом не срослось. А здесь видно всех и вся из окошка, заскучает — запоёт. Так и живёт с песней! Телевизор и радиоприёмник не отключает даже ночью.

Она взяла с меня слово, что буду навещать. И я держала его. Каждый раз, подходя к двери, слышала осторожное:

— А вы это чьих будете? Из какой слободки?

И видела, как в щёлочку глазка меня разглядывают, будто проверяют, своя ли.

Принесённые гостинцы она тут же прятала под подушку, будто они могли в любой момент понадобиться.

— Добудь мне, девонька, соль и спички. Керосин и мыло есть.

В квартире Офелии Анатольевны мне вручили суконные тапочки — положено надеть поверх босых ног.

Такой стерильной чистоты я не видела никогда. Блестит натёртый паркетный пол, а в окнах, по моим ощущениям, напрочь отсутствуют стёкла: солнечные лучи не преломляются об идеально прозрачную преграду. Здесь живёт сама Чистота.

Со всех стен — из комнаты, коридора, кухни — на меня глядели изображения и барельефы древних товарищей. Словно их специально расставили для осмотра: каждый лик как экспонат, требующий внимания. Это дом или музей?

Выяснилось, что Офелия «трудилась балериной» в известных театрах России. На двери висели пуанты, головной убор лебеда, возможно, умирающего. Балетные фотографии, где все балерины похожи, как близняшки.

Уйдя из балета, она работала зрителем в Эрмитаже, в том числе и «в греческом зале, в греческом зале». С детства влюбилась в Древнюю Грецию, Рим. Семьи не было: некогда, времени на семью жалко.

— Кухню я изжила, — сказала она. — Яблочко, мандаринка, травяной чай. Нет, не скучно. Соседи? Зачем? Моя любовь — греческая и римская культуры. До живых мне де-

ла нет. Настольная книга — мифологический словарь.

— Осторожнее, прошу вас, вы закрыли спиной изображение Ники Самофракийской, третий век до нашей эры. Не прислоняйтесь, пожалуйста, не беспокойте Историю.

Здесь остановилось время. Не тикали часы. Я их и не увидела, так же, как и радиоприёмника, телевизора. Только запахи Вечности и Тлена.

Татьяна Ивановна открыла дверь, и я попала в сказочную страну, внутрь мультфильма. На стульях, на диване, на окнах, на вешалке и даже под потолком сидели, стояли, свисали многочисленные куклы. Разных размеров, из разного материала, но все яркие — сплошной позитив.

Я с детства пыталась сама шить и вязать куколок. Тётушка доставала мне многочисленные советские и заграничные книги, календари, пособия по изготовлению самоделок. Не дано. Все получались на одно лицо, с угрюмыми, злобными чертами, словно дуболомы Урфина Джюса. А здесь проживали сконцентрированное добро, любовь, счастье и дружелюбие.

— Я ведь бывший театральный художник, — засмущалась Татьяна Ивановна. — Работала в кукольных театрах. Дочка с семьёй живёт недалеко, в Казани. Внучатам игрушки не позволяет забирать: пыли много. Я и не настаиваю, с тех пор как увидела моих кукольных деток у них на балконе в ящике. И не могу никому отдать. Отдавала в детские дома, а они мне снятся, зовут к себе. Забираю моих деток домой, чищу,

переодеваю. Опять отдаю и жду, как с войны, — раненых, потрёпанных, несчастных. Когда-нибудь внуки будут мне в помощь. Вся моя жизнь теперь в них, в моих лоскутных детках.

Василий Павлович — в прошлом командир подводной лодки, а теперь пенсионер. Повидал весь мир, был на приеме у королевы Англии. Парадный китель от многочисленных наград звенит, как кольчуга. Теперь лихой моряк превратился в домоседа: строит макеты известных кораблей, пишет мемуары.

Сын, тоже моряк, погиб при исполнении. Дочка с семьёй живёт и работает в Америке. Больше всего Василий Павлович боится тишины в квартире. Включает сразу всё — компьютер, приёмник, магнитофон, телевизор, — чтобы создать иллюзию присутствия большой семьи. Почему не едет к внукам?

— Я советский гражданин, — говорит он. — Вся жизнь отдана Родине, Отечеству. Сын был моим продолжением, а внуки — продолжение зятя. Постарел, ни с кем не хочется встречаться. Просыпаюсь, по расписанию у меня физподготовка, чтение, моделирование. Больше всего боюсь потерять зрение, стал хуже видеть. Вечером отбой, тоже по расписанию. Регулярно подсчитываю статистику наших побед и поражений в войнах, изучаю, имею свою точку зрения на этот вопрос.

В школы приглашают по праздникам: посмотреть на мои

медали, вручить букет. Слушают без особого интереса. Иногда спрашивают, сколько стоят ордена и медали на «чёрном рынке», почему не продаю. Не все, конечно, основная масса — вполне адекватные дети. После таких встреч долго отхожу. Всё ищу ответ на вопрос: за что боролись?

Квартиру деда Семёнова украшали облезлый матрас и ряд полупустых бутылок. Периодически он по-пластунски подползал к одной из них и вытряхивал несколько капель неопознанной жидкости в свою лужёную глотку.

— Сам себе уже не интересен. Забыл, как зовусь. Паспорт потерял давно. Напиши сама чего-нибудь. Дети? Конечно, есть. На Кубе. Служил там. Любовь была, молодость... Не понять тебе моей жизни, моей мечты. Куба снится, Куба. Жизнь прошла, так и напиши.

Одинокую квартиру деда Семёнова сменил Изумрудный город. Я почувствовала себя Тотошкой: хотелось заглянуть в каждый угол, обнюхать каждую вещь. Зелёные очки не предложили, и так всё зелёное — и лампы, и шторы, и стёкла, и мебель, и халат на хозяйке. Хозяин не разделяет убеждений второй половины — одет в синие трико.

— Бесполезно с ней бороться. Ладно, зелёного змия не замечает, который меня частенько навещает!

Следующая квартира вся уставлена манекенами в шляпках. Салон Коко Шанель?

— Я стремлюсь к совершенству. Надомница? Фи, как вульгарно, милочка. Я художник-модельер, работаю, нет,

творю по вдохновению. У меня запись на годы вперёд. И всё заграница. Даже вас не могу записать.

Из модного салона попадаю прямым в спортивный зал. Тренажёры, шведская стенка, на полу маты, гири, штанга. Стены украшают грамоты, медали, кубки, вымпелы.

— Часть кубков на лоджии, — замечает, видя моё изумление, хозяйин. — Окончу жизненный путь, хочу с собой всё забрать, никому не оставляю. Повезёт археологам.

В сжатые сроки я посетила квартиру — монашескую келью, квартиру — картинную галерею, а также квартиру — иконописную мастерскую и квартиру — склад забытых вещей (проживал в ней, видимо, потомок Плюшкина).

Гостеприимство наших людей потрясало воображение. В каждой второй посещённой квартире меня не отпускали: приглашали за стол, как долгожданного друга, делились рецептами.

Не могу сказать, чьи национальные блюда круче по вкусу, виду, запаху. В животе урчало, голова кружилась, нос хищно трепетал, вдыхая всевозможные аппетитные волны ароматов. Хотелось принять участие во всесоюзной переписи национальных блюд.

Как мне повезло, что на моём переписном участке проживает столько национальностей со своими традициями, вкусовыми пристрастиями.

— Вам очень повезло: попали на знаменательное событие. У нас гости, а значит, на столе бешбармак, кабырга. И даже

килен тукмасы — суп, который готовит наша невестка в день свадьбы. Попробуйте вкуснятину — каклаган каз. Это башкирский вяленый гусь: сваха нам удружила, привезла национальное башкирское блюдо.

Мы — башкиры, а родня наша — чуваша. Вот их сыр — чыкыт, пирог — хуплу. Угощайтесь, а то очень обидимся.

В марийской семье — зять из Чечни. Коман мелна, подкогыльо, сокта, лашка. Приехала чеченская родня, а значит, на столе лепёшки чепалгаш, голубцы долмнаш, суп жижиг-галнаш. Нанюхалась, буду наслаждаться всем этим ароматом целый день.

В гостеприимной татарской семье на противне эчпочмаки размером с блюдце. Не голодна, пообедала. Почему же с порога жадно, как губка, впитываю весь этот кулинарный наркотик?

На столе — толстенная губадия, медовый чак-чак. На блюде — азу с гарниром. За что мне такое гастрономическое испытание! Ноги приросли к порогу, язык не хочет подчиняться...

Выговариваю горестно, сглатывая слюну:

— Нет-нет, я ненадолго. Спасибо, я обедала. Давайте переписные листы заполним.

К вечеру я пропиталась, как хороший салат заправкой, запахами вертуты, кюфты и толмы, колдунов и драников, хачапури и сациви, дерунов и налистников, блинов и борща.

Спасибо, перепись, что я благодаря тебе неожиданно попала

в огромную дружную семью. Там счастливо живут, любят, играют свадьбы, воспитывают детей молдаване и армяне, белорусы и грузины, украинцы и русские.

Абсолютное, не показное гостеприимство, широкая душа наших людей, неповторимые уроки щедрости.

— Бери рыбу, угощаю. Только что с рыбалки. Полна ванна. А вот сам коптил, вот солил, бери.

— О, как раз под тёпленький самогон. Есть на мятных пряниках, на горохе, на томатной пасте, на мёде. Для души, чтобы жизнь мёдом показалась. А этот — для интеллекта: из варенья гнал. Почему пьющий? Хобби такое — винодел. Из подручных продуктов напитки изготавливаю. Нет винограда, а хобби есть: сочиняю рецепты, пробую.

Не всё шло гладко. Приходилось и пользоваться свистком, и вызывать патруль.

В одной из квартир меня поджидали обкуренные мальцы: — О, стриптиз подогнали! Свисточек достали? А где наручники? А мы уже хотели прыгать с балкона за вами. Дверь заклинило. Ну и что, что седьмой этаж. Один уже прыгнул... Нет, вот в отключке на балконе валяется.

В соседней квартире тоже не обошлось без приключений. — Забирать пришли? Не выйдет. Всех уложу, граната имеется. Я не бегаю от военкомата, это он от меня бежит. А я прячусь у тётки. Не стыдно, я не уклонист. Я — пацифист, за мир во всём мире. А граната — муляж. Перепись населения? Напишите, что я сам вам сдался, и перепишите меня.

Иначе на Земле одним пацифистом будет меньше. Милитаризм победит.

В квартире за стенкой шёл нешуточный кулачный бой. Муж учил жену и детей жизни кулаками, жена отбивалась сковородой. На всю площадку был слышен вой мужа, угрозы жены. Непонятно, кто кого учил жизни.

— Мы вас не вызывали. Не лезьте в чужую семью. Перепись населения? Пишите: живём в любви пятнадцать лет. И в походы вместе ходим, и спортом занимаемся. Крестиком вышиваем, гладью.

А чего тогда дрались? Канву или мулине не поделили? А может, любимая разновидность спорта — сквош сковородой?

Эта семья не была одинока. То в одной, то в другой квартире проживали «борцы за правду и свободу». У одного борца глаз был подбит, у другого — голова перевязана. Тёща — с ногой в гипсе.

— Живём мы дружно, так и пропишите. Сплю со скалкой: зелёные черти и инопланетяне захаживают. Участковый бывает. Хороший человек. Его к нам в квартиру можно прописать, чтоб черти и зять боялись?

Инопланетян и прочей чертовщины на моём участке было много. Мы не одиноки в космосе...

— Место проживания? Марс! Разве не видно? А зовут меня Маркс.

— Аэлита. Просто Аэлита. Без фамилии. Без националь-

ности. Без фамильярности. Место рождения — Вселенная.
— Космостар — астронавт. Выполняю важное задание на Земле. Миссия у меня.

— А я посчитал всех людей на Земле, не дожидаясь вас. И все звёзды на небе. Место прописки — Млечный Путь, вторая звезда направо. Зовите меня Звездочёт.

Жильцы того же дома будто соревновались, кто придумает себе легенду поярче.

Семья старичков-пенсионеров оказалась ожидаемо знаменита. Он — краснощёкий крепыш с окладистой бородой до пояса — на ходу дожёвывал котлету. Ни много ни мало Лев Толстой: пишет, мол, пятый том «Войны и мира». Она — утончённая, бледная, вялая, похожая на осеннюю стрекозу, — именует себя Анной Карениной.

Ну ладно-ладно, не спорю. Имеете право быть кем хотите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.